

ДОКСОЛОГИЯ МАТСА РОЗЕНГРЕНА КАК ПРОЕКТ РИТОРИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПОЗНАНИЯ: КОНТЕКСТ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Воробьев Д.Н.

ФГБОУ ВПО "Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева", (428000, Россия, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38), e-mail: vorobjov.d@gmail.com

В статье рассматриваются контекст и концептуальные основания доксологии - нового проекта теории познания, предложенного шведским профессором Матсом Розенгренем. Он переосмысливает базовые представления эпистемологии, которые были сформированы еще во времена Платона и Аристотеля. Шведский ученый пытается заново выстроить философию познания, исходя из обновленной системы исходных абстракций. Он инверсирует традиционное противопоставление истинного знания (эпистемы) и мнения (доксы), философии и риторики. Тем самым он встает на позицию риторической философии, идейно близкой к позициям греческих софистов-риторов. Розенгрен дает доксологическую трактовку тезиса Протагора о человеке как мере вещей. Согласно этой трактовке, человек – это всё человечество; а сущность человека, по мнению греков, это его разум-логос. Розенгрен считает, что протагорейский подход, лежащий в основе доксологии, имеет большой эвристический потенциал. Суть этого подхода в том, что любое человеческое знание является доксическим, а не эпистемическим. И задача доксологии – выяснить, как фактически мы, люди, как общественные существа, создаем то знание, которое можем считать истинным.

Ключевые слова: социальная эпистемология, дескриптивная эпистемология, философия познания, новая риторика, доксология, докса.

MATS ROSENGREN'S DOXOLOGY AS THE PROJECT OF RHETORICAL PHILOSOPHY OF KNOWLEDGE: THE CONTEXT AND CONCEPTUAL FOUNDATIONS

Vorobyev D. N.

I. Yakovlev's Chuvash State Pedagogical University. (428000, Russia, Cheboksary, Karl Marx street, 38.), e-mail: vorobjov.d@gmail.com

The article explores the context and conceptual foundations of doxology - new project of epistemology proposed by Swedish professor Mats Rosengren. He reinterprets the basic concepts of epistemology, which were formed in the times of Plato and Aristotle. Swedish scholar is trying to rebuild the philosophy of knowledge, based on the updated system of initial abstractions. He inverts the traditional oppositions: knowledge (episteme) vs. opinion (doxa), philosophy vs. rhetoric. Thus, he takes the position of rhetorical philosophy, conceptually close to the positions of the Greek sophists-rhetoricians. Rosengren gives a doxological interpretation of the Protagoras thesis about a human as a measure of all things. According to this account, human - it's all mankind; and the essence of humans, from the standpoint of ancient Greeks, is human mind-logos. Rosengren thinks that protagorean approach, basal for doxology, has great heuristic potential. The heart of this approach is that all human knowledge is doxical, is not epistemic. And the task of doxology - to find out how we, humans, as social beings, really create the knowledge that can be examined as truth.

Keywords: social epistemology, descriptive epistemology, philosophy of knowledge, new rhetoric, doxology, doxa.

Философы XX века показали, что содержание понятий «теория познания» и «эпистемология» требует пересмотра. Необходимо пересмотреть устоявшиеся представления и выработать понятийный аппарат для адекватного выражения познавательной деятельности. Традиционная метафизическая теория познания неадекватна реальному положению дел. Она строится на предельной идеализации познавательных отношений. Она рассматривает их так,

как будто они существуют вне социума, вне времени и пространства, как будто бы сами по себе, и ничем кроме самих себя не обусловлены.

Метафизическая теория познания ставила главным образом вопрос: каким *должно быть* знание и познание, для того чтобы соответствовать критериям истинности? Она задавала идеальную норму, универсальный образец, следование которому обеспечивало бы абсолютную прочность и надежность нашему знанию. Знание соответствующее идеальной норме в древнегреческом языке получило выражение в понятии *epistēmē* (эпистеме), которое традиционно противопоставляется термину *doxa* (докса). Можно сказать, метафизическую теорию познания не интересовало, как в реальности происходит познание, она лишь предписывала познанию правила и нормы, следование которым, как считалось, позволит получить истинное знание [2].

Традиционная теория познания не может считаться теорией в строгом, естественно-научном смысле. Научная теория, как принято считать, является результатом обобщения и интерпретации фактов, основанных на наблюдениях и экспериментах. Строго говоря, метафизическая теория познания является системой идей, задающих и регулирующих познавательные отношения, причем эти идеи не являются результатом интерпретации наблюдений. Понятие теория в данном случае используется в широком смысле, как синоним понятий «учение», «концепция» [3].

Развитие гуманитарных наук, а также кризис в физике – самой передовой науке XIX века – привели к увеличению степени рефлексии ученых над основаниями самой науки. Возрос интерес к реальным условиям и способам осуществления познавательной деятельности. В результате, главным вопросом современной философии познания становится вопрос о том, *как реально*, в действительности осуществляется познавательный процесс. Ответ на него требует систематического обращения к материалу конкретно-научных дисциплин, как естественных, так и социально-гуманитарных. Поэтому современная эпистемология все более становится междисциплинарной, дескриптивной, «социологизированной» и «натурализованной» [1].

Натурализация эпистемологии заключается в стремлении использовать методы и данные естественных наук при ответе на главный вопрос современной теории познания. Социологизация эпистемологии заключается в использовании методов и данных истории науки, социологии, этнографии и других социально-гуманитарных наук для ответа на тот же вопрос – как реально, в действительности, а конкретнее, *человеком как общественным существом*, осуществляется познавательный процесс?

В настоящее время популярным становится такое направление эпистемологии как социальная эпистемология, тесно связанная с социологией знания, социологией и антропологией науки. Автор термина социальная эпистемология библиолог Джесс Хаук Шера писал: «Социальная эпистемология исследует то, как знание существует в обществе (...) В фокусе этой дисциплины должны находиться производство, развитие, накопление и потребление всех форм мышления в контексте общения и всех областей совокупного социального производства» [9].

Одним из проектов развития социальной эпистемологии является концепция шведского философа и ратора Матса Розенгрена. Розенгрен рассматривает социальную обусловленность всех наших представлений, как истинных, так и ложных, обращая внимание на их изменчивость и коммуникативную природу. Его интересует вопрос о том, как мы, люди, в процессе взаимодействия друг с другом и миром, создаем то знание, которое нам необходимо. Для этого он пересматривает привычное для философии противопоставление доксы и эпистемы, риторики и философии, ценности и факта.

Розенгрена не устраивает понятие эпистемология. Они инверсирует это понятие, отталкиваясь от платоновского противопоставления эпистемы и доксы. Эпистемология - это учение о том, как достигнуть знания, которое может считаться истинным, потому, что соответствует некой сверхчеловеческой шкале, некой вне-человека-существующей мере. Подобная мера, по сути, является плодом коллективного воображения, мифологемой [6], имеет скорее религиозную, чем научную природу. Розенгрен считает, что более адекватным реальному положению дел был бы термин *доксология*. Потому как всё человеческое знание является некоторой разновидностью доксы [8]. Человеческое знание никогда не соответствовало критериям эпистемического знания, так как у человека нет привилегированного доступа к реальности самой по себе. Он не может выйти за пределы человеческой точки зрения, человеческого способа существовать, мыслить мир и себя в нём. Человек всегда соотносит знания с человеческой мерой.

Эта идея созвучна широко известному выражению греческого мыслителя Протагора «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» (*Тезет*, 152а). С точки зрения Платона, которую мы часто некритически заимствуем, этот тезис является выражением полного релятивизма. Потому как Протагор, по Платону, утверждает, что изменчивое человеческое мнение (докса) и есть мера всех вещей. Для Платона докса была подобна раздражающей красной тряпке. Философ считал, что философия должна иметь дело с истиной, а не с мнением. А с доксой имеют дело лишь софистика и риторика. В противоход протагорейскому пониманию меры Платон

говорит о боге как о мере всех вещей (*Законы*, IV 716c). Для Платона именно бог задает ту сверхчеловеческую шкалу, верное соотношение с которой делает человеческое знание истинным. И только избранные, только пророки бога, с людьми с особой душой, которых совсем немного, могут судить об истинности. Это одно из скрытых оснований противопоставления «мудрецов по истине» (по божественной мере), т.е. философов и «мудрецов по мнению толпы» (по человеческой мере), т.е. софистов-риторов (*Государство*, 493c). Софист или ритор изображен Платоном как подлая и опасная фигура, красноречивый охотник до личного богатства и власти, сбивающий с толку неокрепшие умы (*Софист*, 265a-268d). Это традиционное для философии противопоставление риторики и философии, которое, по сути, имеет смысл лишь в рамках философской системы Платона, Розенгрэн подвергает отстранению и пытается рассмотреть свежим взглядом, с учетом той критики, которой была подвергнута традиционная теория познания в XX веке.

Розенгрэн дает доксологическую интерпретацию тезиса Протагора о человеке как мере вещей [5, 171–178]. Он отказывается от трактовки человека как индивида в пользу родового (генерализованного) понимания человека. Учитывая, что сущностью человека как вида, с точки зрения древних греков, является его разум (*логос*), Розенгрэн приходит к выводу, что Протагор говорит о логосе как мере всех вещей. Именно в человеческом логосе – осмысленных речах и поступках – нужно искать возможности и условия существования истин. «Человек – существующая *во исполнение логоса* мера всех вещей. Только то, что может быть выражено в речи, продумано и воспринято человеком *как что-то*, существует для человека. То, что не может быть выражено в речи, продумано и воспринято *как что-то*, для человека не существует» [5, 177].

Если современная эпистемология отвергает привилегированный доступ человека к вещам, как они есть сами по себе, отвергает корреспондентную концепцию истины, то она должна отбросить платоновское противопоставление философа и софиста, философии и риторики. Философия должна признать, что претензии эпистемологии на доступ к истине самой по себе не обоснованы.

Мы должны признать, что все наше знание является по природе доксическим знанием, что и риторика, и философия имеют эвристический потенциал и моральную ценность. Философы, как и все остальные люди, получают свои представления о том, что является истинным или ложным, правильным или неправильным, не в надлунном мире, а в традициях и представлениях общества. Социальные институты, традиции, практики, навыки мышления и понимания, взятые вместе, образуют и распространяют то, что можно назвать доксой [4].

Очевидно, что подход Розенгрена к проблемам и теории познания является протагорейским. Исследуя развитие философии познания XX века в поисках своих предшественников, Розенгрэн отмечает двух крупных протагорейски мыслящих философов. Это – Людвик Флек и Пьер Бурдьё. Он считает их своими предшественниками [8, 28–34]. Они поставили в центр внимания ситуативность и социальную обусловленность процессов познания, исследовали влияние социальных практик на формирование и трансформацию методологических принципов отдельных ученых и академических сообществ. Между индивидуальным познающим субъектом и объектом познания есть медиатор – коллективный субъект познания, ученое сообщество. Поэтому познание, фактически, неизбежно связано с попытками убеждения и аргументации. А риторика, как известно, представляет собой искусство «находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» (Аристотель. *Риторика* 1355b).

Розенгрэн, вслед за Хаимом Перельманом, реабилитирует риторику как методологию познания. Перельман говорил о необходимости пересмотра статуса риторики в середине XX века. Свой проект аргументативной риторики он назвал «новой риторикой» [7]. Перельман развивает подход Аристотеля, который рассматривал риторику и логику как взаимодополняющие дисциплины. Однако Перельман идет дальше. Он производит ревизию методологического базиса риторики. Он синтезирует принципы диалектики и риторики Аристотеля и на этой базе строит свою теорию аргументации. Перельман считает, что понятие аргументации шире понятия доказательства. Доказательство он оставляет логике. Доказательство основано на формализованных, однозначных значениях и правилах вывода. Аргументация же происходит на естественном языке и поэтому аргументы не бывают абсолютно непреодолимыми. Теория аргументации, по Перельману, охватывает все: от квазилогических аргументов до демагогических уловок. Философскую аргументацию Перельман включает в область риторики, рассматривая риторику в качестве основания философии, что полностью противоположно взглядам Аристотеля.

Розенгрэн пытается показать, что риторическая философия познания, которую он называет доксология, имеет значительный эвристический потенциал. Она может помочь переосмыслить исходные абстракции метафизической теории познания, дать новое понимание того, чем являются факт, истина, знание и др. Например, факт, с точки зрения доксологии, является результатом согласия всеобщей (универсальной) аудитории, благодаря чему он воспринимается как часть реальности. Универсальная аудитория – это аудитория, к которой обращается ученый, философ. Она отсутствует объективно, но реагирует на высказывания субъекта. В состав универсальной аудитории включаются все благоразумные

существа, но при этом никто конкретно, поэтому рассуждатель использует аргументы, которые могут быть убедительными для всех. То, что убедительно для всех, в терминах риторики называется топос или общее место, то есть положение, разделяемое большинством. Факт – это временное согласие всеобщей аудитории с гипотезой исследователя. То, что будет считаться фактом, определяется тем, что считается общепризнанным в данное время в данном ученом сообществе. Возможно, со временем, в данном ученом сообществе изменятся представления о том, как происходит познание, какие способы познания применимы в данной предметной области, а какие нет, и т.п. И тогда согласие будет утрачено, и то, что считалось фактом и истиной, может оказаться бездоказательным заблуждением. «Я предполагаю, - пишет Розенгрэн, - что мы все признаем в качестве факта то, что Земля вращается вокруг Солнца. Более того, я полностью уверен, что большинство из нас думает, что любой, кто не согласен с этим, действительно ошибается. Но как мы можем обосновать правоту и объективность этого факта? Мы не можем объявить тех, кто не согласен с нами сумасшедшими, только потому, что они думают не так как мы. Это означало бы поддаться догматизму. Нет, мы должны доказывать нашу позицию и приводить данные наблюдений, подкрепляющие её, чтобы убедить и склонить на свою сторону несогласных.

И если мы не преуспели в этом – такое, как мы знаем, случается, – что тогда? Тогда не остается ничего другого, как признать, что мы стоим кому-то или даже группе каких-то лиц, которые убеждены в правоте своей позиции так же, как и мы – в правоте нашей. И если мы не хотим принимать позицию других, мы должны просто лучше формулировать и аргументировать свою собственную. В это сама суть риторической философии» [4].

Таким образом, риторическая философия Розенгрэна признает социальную обусловленности и изменчивость всего человеческого знания, в том числе и научного. Мы никогда не имеем дело с реальностью самой по себе, но с человеческим измерением реальности, созданным нашими познавательными способностями, языками, способами мыслить и действовать. Факты творятся сообществами экспертов на основе веских аргументов. Весомость аргументов определяется соответствием системе общепризнанных знаний.

Доксология порывает с абсолютизмом и догматизмом традиционной теории познания, прощается с иллюзией о стабильном и безопасном знании. Она обращается в реальной практике научных исследований. Она требует не бояться иметь дело с изменчивостью, ситуативностью и социальной обусловленностью наших знаний. Факты начинают восприниматься частью объективной реальности только в том случае, если мы сможем убедить сообщество специалистов в необходимости их так воспринимать. Диахронически,

познавательный процесс – это движение от одной аргументированной доксы к другой. Задача доксологии – изучить, как фактически это происходит; как мы, люди, создаем то знание, которое можем – на имеющихся в данный момент основаниях – считать истинным.

Список литературы

1. Кезин А. В. Натуралистические подходы в эпистемологии XX века: аналитический обзор / ИНИОН РАН; Отв. ред А. И. Панченко. - М.: ИНИОН, 2006. – С. 9–10.
2. Мамардашвили М. К. Стрела познания. набросок естественно-исторической гносеологии. – М.: Языки славянской культуры, 1996. – С. 13–14.
3. Микешина Л. А. Философия познания. Полемиические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 30–31.
4. Розенгрэн М. К вопросу о доха: эпистемология "новой риторики" / М. Розенгрэн; Д. Н. Воробьев [пер. с англ.] // Вопр. философии. – 2012. – № 6. – С. 69.
5. Розенгрэн М. Тезис Протагора: доксологическая перспектива / М. Розенгрэн; Д. Н. Воробьев, К. Анкерйерте [пер. со швед.] // Вопр. философии. – 2014. – № 5. – С. 171–178.
6. Тихонов А. С., Степанов А. Г. Формирование мифологемы комплекса социально-исторического познания // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 3–1. – С. 203–210.
7. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation / transl. by J. Wilkinson and P. Weaver. – Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 1969. – 566 pp.
8. Rosengren M. Doxologi – en essä om kunskap. – Åstorp: Retorikförlaget, 2008. – 116 s.
9. Shera J. H. Sociological Foundations of Librarianship. – New York: Asia Publishing House, 1970. - P. 86 цитируется по изданию: Касавин И. Т. Социальная эпистемология: к истории и постановке проблемы // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. – С. 7

Рецензенты:

Кузьмина Г.П., д.филос.н., профессор кафедры философии, ФГБОУ ВПО "Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева", г.Чебоксары.

Тихонов А.С., д.филос.н., профессор кафедры философии, ФГБОУ ВПО "Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева", г.Чебоксары.